

Примерный устав сельхозартели (1935 г.) и крестьяне Псковского округа

В ФЕВРАЛЕ 1935 г. 2-й Всесоюзный съезд колхозников-ударников принял новый Примерный устав сельскохозяйственной артели (колхоза) взамен ранее действовавшего устава 1930 г. Он на долгие годы закрепил порядок функционирования созданных в деревне колхозов, которые отныне становились главной и по существу единственной формой крупных предприятий. Многообразие различных видов сельскохозяйственной кооперации устранялось, оставалась лишь сельскохозяйственная артель (колхоз). Принятые в начале 1930-х гг. ряд постановлений относительно хлебозаготовок и закупок сводились преимущественно к «завинчиванию гаек», и теперь государство решило дать крестьянину хоть какую-то отдушину в хозяйственной сфере. Такой отдушиной стало создание более свободных условий для ведения личного подсобного хозяйства, что и закрепил новый Устав. В зависимости от региона колхознику разрешалось иметь от 0,25 до 0,5 га, а в отдельных районах – до 1 га земли и от одной до двух-трех коров, неограниченное количество птицы и пр. Вследствие этого роль личного подсобного хозяйства стала быстро возрастать, и не только в удовлетворении нужд самого деревенского населения, но и в продовольственном и сырьевом обеспечении страны. Особенно возрос его удельный вес в валовом производстве животноводческой продукции, овощей, картофеля.

Предусматривалось, что все работы в общественном хозяйстве должны производиться личным трудом его членов на основе сдельщины. Устав закреплял основные формы организации труда (бригады) и его оплаты (распределение доходов по трудодням),

Никифоров Сергей Леонидович - аспирант кафедры русской истории Псковского госпедуниверситета им. С.М. Кирова

сформулировал основные принципы колхозной демократии: право общего собрания членов артели решать широкий круг вопросов внутриколхозной жизни, выборность и подотчетность правлений колхозов и др. Съезд колхозников-ударников, принявший Примерный устав, выдвинул лозунг: «Сделать все колхозы большевистскими, а колхозников зажиточными».

2-й съезд колхозников-ударников предложил всем колхозам страны на основе Примерного устава сельхозартели выработать собственные уставы и зарегистрировать их в соответствующих райисполкомах Советов. Органам прокуратуры Наркомат юстиции предписывал установить за регистрацией уставов колхозов, противоречивших нормам Примерного устава.¹ Главным вопросом в столкновении интересов крестьянства и государства, как показала практика выработки уставов колхозов и проведения положений Примерного устава в жизнь, стал размер приусадебных участков и количество скота на крестьянском подворье. Об этом говорят протоколы колхозных собраний и многочисленные высказывания отдельных колхозников, особенно в той части, когда положения Устава проводились в жизнь формально или открыто нарушались.

Сам по себе Примерный устав сельхозартели не был абсолютно чужд интересам крестьян Псковского округа, наоборот, он во многих своих статьях отвечал их интересам. В большевистской политике форсированного обобществления крестьянского хозяйства, таким образом, при всей ее жестокости были элементы трезвого хозяйственного и социально-политического расчета. «В нашем районе, - отмечал, например в выступлении на 1-й Псковской окружной партконференции се-

кретарь Стругокрасненского райкома ВКП(б) В.В.Шантор, - была проведена большая разъяснительная работа на проработку Сталинского Устава, и мы имеем факты такого порядка, когда в старых и новых колхозах, при правильном разъяснении и проведении в жизнь устава, бригады поднимались на борьбу за повышение урожая, за зажиточную жизнь. Мы добились того, что весь район включился в борьбу за урожай... Мы добились этого потому, что районной организацией была проведена большая разъяснительная работа во круг тех льгот, которые предоставила партия и правительство нашим колхозам пограничного округа». «Мы имеем такие факты, - продолжал он, - когда в ответ на разъяснение о том, какие скидки налога предоставлены нашим колхозникам, какой намечен завоз машин, какой отпуск средств, списание ссуд и пролонгация ссуд, колхозы ответили конкретными делами и успешным севом».²

Не редкими были случаи, когда собрания колхозников включали в уставы своих колхозов пункты, касавшиеся социально-экономического и культурного развития применительно к местным условиям. Так, в устав колхоза «Новый строй» Островского района вошел пункт о развитии кустарных промыслов «сообразно с условиями района» и создании в 1936 г. сапожной и портняжной мастерской. Это решение колхозников отражало важное значение неземледельческих промыслов, не утративших своего значения и после завершения сплошной коллективизации, а также желание улучшать бытовое обслуживание колхозников. В устав этого же колхоза вошли положения о необходимости «поднимать культурный уровень членов артели, внедрять газеты (чтобы каждый колхозный двор имел не менее одной газеты), внедрять книги, радио, кино»; построить и оборудовать в 1936 г. Дом культуры, организовать библиотеку, в бригадах - красные уголки-читальни, построить в 1936 г. здание общественной бани, оборудовать общественную парикмахерскую, «содействовать членам артели привести в надлежащий порядок дворы, очистить улицы и территории, прилежащие к жилым домам».³ Все указанные пункты отвечали интересам самих колхозников, желавших видеть свою жизнь «культурной и зажиточной».

Гораздо чаще колхозники стремились обойти требования Примерного устава относительно размеров приусадебных участков, и чаще всего именно этот пункт при проведении в жизнь положений устава затягивался, на недопустимость чего указывала направленная в районы телеграмма Псковского окружкома ВКП(б).⁴ Прокуратура округа обращала внимание на имевшие место срыв госспоставок продукции колхозами, явления бесхозяйственности и др. «антигосударственные тенденции».⁵ Самым же распространенным явлением были нарушения в землепользовании, - как размеров приусадебных участков колхозников, так и попытки выделения колхозных земель в пользование единоличникам. Так, «председатель колхоза «Павлюково» Новосельского района, - отмечалось в сводке окружной прокуратуры, - располагая свободными, не занятыми под колхозный посев землями, занялся распределением земли среди членов колхоза для личных посевов, а также часть земли уступил за плату единоличникам, главным образом, за вино, которое единоличники ставили колхозникам за уступку земли».⁶

Аналогичные случаи имели место и в ряде других колхозов: «председатель колхоза «Память Кирова» Новосельского района распродал 10 га колхозного покоса за наличные деньги, раздав затем деньги среди колхозников», «председатель колхоза «Бубново» Славковского района, располагая излишками сенокоса, «уступил» колхозу «Красная Рыбиха» 10 га сенокосной площади на условиях, что колхоз «Красная Рыбиха» выполнит за колхоз «Бубново» сенопоставки и уплатит 35 руб.», и др.⁷ Подобные примеры свидетельствуют о том, что колхозные земли воспринимались крестьянами в качестве коллективной собственности, на которые они вопреки Примерному уставу имеют не только право владения, но и распоряжения, использования ее по собственному усмотрению - даже для личных нужд, а при необходимости могут даже их продать, если это способствует улучшению положения колхоза и их личного благополучия. В сознании колхозного крестьянства второй половины 1930-х гг. колхозная собственность на землю странным образом сближалась с общинными порядками,

т.е. право распоряжаться землей, являвшейся собственностью государства, понималось буквально. В ряде колхозов Островского района («Красная застава», «Новая старина» и др.) практиковался даже, как когда-то в общине, ежегодный передел приусадебных участков «по едоцким нормам» и «уравниловка в наделении колхозных дворов усадьбами», а также начисление трудодней не каждому члену колхоза, а семье в целом или ее главе.⁸

Некоторые колхозы практиковали аренду свободных колхозных земель единоличниками, которые расплачивались за это не только деньгами, но и отработками на колхозных полях, что превращало их в своего рода колхозных батраков. Например, «председатель колхоза «Мурово» Новосельского района и бригадир этого колхоза распределили значительную часть принадлежащего колхозу покоса среди единоличников за различную плату: с одних брали деньгами, а с других трудом, т.е. отработкой на колхозных полях, требовали вывезти на колхозные поля свой навоз и т.д.»⁹

Подобные нарушения не являлись редкостью и до принятия Примерного устава сельхозартели, просто раньше размеры земельных площадей колхозов и подсобных хозяйств колхозников не были строго определены. Теперь же установленные нормы стали своего рода «лакусомовой бумажкой» соблюдения правил колхозного землепользования. Председатели колхозов, от которых в первую очередь зависело принятие любых решений и контроль за исполнением нормативных актов, являлись чаще всего проводниками интересов не государства, а конкретного колхоза, его членов, а нередко и личных (порой корыстных). В колхозе «Дулово» Палкинского района, например, «председатель колхоза и председатель ревкомиссии продали посторонним лицам сенокосный участок и деньги пропили», в колхозе «Вошалово» Карамышевского района, - отмечалось в одной из телеграмм, - «деньги за сдаваемую продукцию государству в кассу колхоза не вносятся, а пропиваются отдельными колхозниками при попустительстве правления».¹⁰ Такого рода поступки неизменно при обнаружении их наказывались, но в практике землепользования почти нормой становились завышенные раз-

меры подсобных хозяйств у колхозников. «В подавляющем большинстве колхозов размеры приусадебных участков колхозников значительно превышают уставом сельхозартели норму, - отмечалось в докладной записке инструктора Псковского окружкома ВКП(б) от 14 июня 1936 г. - В некоторых колхозах наряду с превышением размеров приусадебных участков колхозники имеют кроме усадеб добавочные полосы в поле от 0,08 до 0,3 га. Обнаружено несколько случаев, когда колхозники имеют в личном пользовании по две дойные коровы. Как правило, вторая корова у колхозников является молодой после первого отела. Такие случаи колхозники объясняют желанием заменить старую корову молодой, выращенной в своем хозяйстве».¹¹ Иногда крестьяне помимо приусадебного участка получали из колхозного фонда участок в поле: «Практикуются прирезки к приусадебным участкам в поле от 0,3 до 0,6 га («Свободный труд», «Ударник», «Весна» Середкинского района) и массовые засева приусадебных участков и прирезков в поле к приусадебным участкам зерновыми культурами».¹² Подобные примеры имели место повсюду. «В колхозе «Гверздонь», - сообщалось из того же района, - у семи членов сельхозартели приусадебные участки свыше гектара. У члена колхоза «Речки» Смирнова И. приусадебный участок 0,51 га и к нему сделан прирезок 0,16 га, который засеян рожью, у Балышева И. - приусадебный участок 0,58 га и плюс прирезок на колхозном поле 0,16 га засеян озимой рожью, у члена колхоза «Заря» Дмитриева приусадебный участок 1,5 га».¹³

Чаще всего такая практика антиколхозного характера не носила: колхозники увеличивали свои приусадебные участки преимущественно за счет бросовых или придорожных земель, а в поле разрабатывали земли, колхозами не использовавшиеся, но Устав квалифицировал такие уголья однозначно: они являются частью единого земельного массива колхоза и неприкосновенны. Всякие попытки расширить за счет их приусадебные участки рассматривались как «рваческие» тенденции, а иногда и «вредительство».

Крестьянство рассматривало в качестве коллективной собственности не только

колхозные земли, которые должны принадлежать всем, но и доходы с них. Многие колхозники считали, что полученная на колхозных землях продукция распределяется самими крестьянами между членами колхоза, а государству сдаются только излишки. Однако Постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 19 января 1933 г. порядок устанавливался прямо противоположный: для колхозов была введена система обязательных поставок зерна и других продуктов в установленные сроки и по установленным государством ценам. Не изменило этого порядка и приятие Примерного устава сельхозартели. Но коль скоро у ряда колхозников мнения были другие, то имели место попытки распределения полученной в колхозах продукции до выполнения «первой заповеди». Так, «председатель колхоза «Октябрь» Новосельского района первые обмолоты ржи распределил вместо сдачи государству целиком среди колхозников», «в колхозе «Вторая пятилетка» Славковского района председатель раздал аванс вместо 10% от обмолота 24%, тогда как зернопоставки были выполнены на 40%, а посев озимых на 50%», «в колхозе им.Кирова Сошихинского района председатель также вместо сдачи государству первые обмолоты – около 1,5 раздал колхозникам» и др.¹⁴

То, что такие случаи имели место в нескольких районах Псковского округа, как и попытки утаивания части продукции от сдачи государству, в определенной мере свидетельствует о распространенности подобных крестьянских настроений в отношении колхозных доходов. Стремление колхозников использовать полученный им урожай или продукцию животноводства в их собственных интересах иногда неизбежно порождало воровство или же разбазаривание колхозной собственности. В некоторых районах Псковщины подобные явления получили широкое распространение. «В колхозе «Свободный труд» Гверздонского сельсовета, - сообщалось, например, из Середкинского района, - разворовывание колхозного добра стало системой удовлетворения личных потребностей колхозников».¹⁵

Колхозники, утверждая Устав своего колхоза, надеялись не только по своему усмотрению использовать земли и распре-

делять доходы, но и стремились сохранить отношения, существовавшие в доколхозной деревне. Так, в одной из докладных записок в Псковский окружном ВКП(б) отмечалось, что «рабочая сила по колхозу «Луч» за бригадами не закреплена, большинство колхозников не знают своего рабочего места, дисциплина развалена, большинство колхозников находятся на побочных заработках. В результате расследования установлено, что правлением колхоза и общим собранием от 15 марта 1936 г. рабочая сила, тягловая сила и инвентарь закреплены за бригадами, а бригады 1-й и 2-й бригад инвентарь и тягловую силу по специальной ведомости закрепили за колхозниками, в получении имеется подпись колхозников».¹⁶ Этот факт говорит не только о крупных недостатках в организации труда, на изжитие которых ориентировал колхозников Примерный устав, но и о том, что колхозники, распределяя между собой колхозную собственность, использовали для этого закрепленные Уставом институты и процедуры (общее собрание, выдача ведомостей и др.), и в то же время стремились сохранить некоторые доколхозные порядки. Так и сохранялось тесное переплетение разных, зачастую противоречивших друг другу явлений. Колхозники прежде всего пытались взять на вооружение те нормы Устава, которые отвечали их интересам, а другие сохраняли лишь формально, на бумаге. Ряду норм Устава они давали собственное толкование, опять же соответствующее их представлениям и чаяниям, что объяснялось помимо всего и недостаточной осведомленностью с действующим законодательством, в том числе и со статьями Примерного устава. «Большое количество нарушений устава в округе в значительной мере должно быть отнесено за счет того, - подчеркивалось в докладной записке Псковской окружной прокуратуры, - что этот основной закон колхозной жизни еще недостаточно внедрен в практику работы каждого колхоза, что многие колхозники, и даже руководящий состав колхоза, слабо еще осведомлены об основных положениях устава и его политической значимости для каждого колхоза».¹⁷

Даже в масштабах одного района, порой в соседних колхозах, а иногда и в рам-

ках одного хозяйства, одни и те же пункты Примерного устава нередко выполнялись по-разному. «В Середкинском районе есть рыбацкий колхоз «Красный якорь», - отмечалось в докладной записке в Псковский окружком ВКП(б) 23 сентября 1937 г. – Колхоз объединяет 97 хозяйств, из коих 57 хозяйств обобществили орудия лова, лошадей и землю, а остальные 40 хозяйств обобществили только орудия лова, продолжают иметь до сих пор в индивидуальном пользовании лошадей и, обрабатывая свои полосы, в то же время налог платят как колхозники». Такой колхоз инструктор окружкома назвал ничем иным, как «лжеколхозом».¹⁸

Главной причиной стремления колхозников к расширению подсобного хозяйства и повышению его роли в жизни деревни являлась низкая оплата труда в колхозах, не обеспечивавшая колхозной семье прожиточного минимума, а она объяснялась во многом большими размерами госпоставок. Как следствие, у колхозников отсутствовали материальные стимулы к производительному труду в сельхозартели, а это оборачивалось невыполнением обязательного минимума трудодней, плохой организацией работ. Многих крестьян в колхозе удерживали лишь налоговые льготы, получаемые по сравнению с единоличниками. «В колхозе «Большевик» из 40 трудоспособных в текущем году (1936 г.) за январь-май месяц не имеют ни одного трудодня – 3 человека, от 1 до 2 трудодней – 2, от 3 до 5 – 8 человек, от 5 до 10 – 6, от 10 до 20 – 5, от 20 до 30 – 13 человек и от 30 до 40 – 3 человека, - констатировалось в одной из сводок, - а в колхозе «Прогресс» из 183 трудоспособных человек за этот отрезок времени свыше 15 выработанных трудодней ни у одного колхозника нет. Эти колхозники только используют звание члена сельхозартели для получения льгот по гособязательствам и являются носителями разложения трудовой дисциплины».¹⁹ «В Ладыгинском и Б.Петском сельсоветах, - сообщалось из Славковского района, - является распространенным явлением, когда 1-2 человека из семьи состоят членами колхоза, а большинство членов семьи остаются не колхозниками и пользуются льготами колхозников».²⁰ Но и льготы не всегда прельщали колхозников. В колхозе «Заложье», например, один из чле-

нов артели заявил, что «нам, колхозникам, от льгот ни жарко, ни холодно, как ели мякину в колхозах, так и будем есть. Если не по поставкам, так по хлебозакупкам советская власть заберет весь лучший хлеб».²¹

Власти нередко объясняли низкую трудовую дисциплину в колхозах и массовые случаи уклонения колхозников от выполнения своих трудовых обязанностей «большим размером приусадебных участков колхозников, которые поглощают все их внимание»,²² поэтому стремились неуклонно выполнять требования Устава о соответствии их норме. Протестом колхозников являлся выход из артели. Так, по данным на 1 июля 1936 г. в районах округа вступили в колхозы 322 хозяйства, а выбыли 953.²³ Очень часто свои настроения колхозники выражали и в высказываниях, попадавших в «совершенно секретные» сводки: «В колхозе «Красный маяк» (Палкинский район) колхозник говорил среди товарищей: «Работаем, работаем, а получать нечего, нужно дожидаться отчетного года и разъезжаться по домам», «В колхозе «Новый быт» (Лядский район) бригадир подговаривал колхозников к невыходу на работу, говоря: «Не выходите на работу, все равно мы ничего не получим», «Колхозник артели «Батрак» Лядского района заявлял: «Вы не обращайте внимания, что говорят районные организации. Они не есть закон для колхозников, мы, колхозники, сами хозяева, как хотим, так и делать будем».²⁴

Не редкими были нелестные высказывания колхозников о госпоставках, колхозах и даже о властях в целом. Так, на одном из колхозных собраний колхозник заявил: «Платить надо, но беда в том, что платежи в прок не идут. У нас много развелось господ-портфельносчиков, старых господ сбросили, а новых господ появилось во 100 раз больше, поэтому они как саранча все поедают». А счетовод колхоза «Новая горка» в беседе с председателем говорил: «Ты смотри, зерно лучшего качества оставляй для колхозников, а что похуже, сдавай государству, государство это ненасытное, давай туда, что угодно, им все равно мало, в первую очередь нужно обеспечить себя». В той же артели колхозница говорила: «Скоро конец будет этой власти, через два месяца этих колхозов существовать не будет, будем жить по-старому, довольно

грабить нас советской власти. Сейчас, что нарботаем, все отдать надо, а сами голодными остаемся». Ей вторила другая: «Сколько ни работай, все равно в этих колхозах пользы нет, надо нам организованно взяться вредить колхозу. Доказать им, что колхозы – это гибель для крестьян, что в колхозах жить больше нельзя». В колхозе «Красные ворота» один из колхозников заявлял: «Это не жизнь, а горе. Работаем, как на барщине, а пользы никакой нет, все государству отдать надо. Надо отказаться от колхоза».²⁵

Некоторые крестьяне с недоверием и даже с недовольством относились к механизации сельскохозяйственных процессов и обработке земель колхозов техникой МТС, т.к. за это необходимо было вносить большую на-

туроплату. Например, бригадир колхоза «Новый быт» заявил: «Убирайте вы к черту ваши машины, они мешают колхозу работать, за эти машины весь хлеб забрали из колхоза».²⁶

Эти и подобные высказывания колхозников являются индикатором восприятия крестьянством советской сельскохозяйственной политики, противоречивых реалий жизни колхозной деревни в середине 1930-х гг. В условиях существования демократических норм жизни они могли бы стать для властей сигналом для корректировки принимаемых решений, но при господстве тоталитарного режима они оставались не услышанными, мало того, квалифицировались как подстрекательские или антисоветские со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Примечания

¹ ГАНИПО. Ф.3. оп.2. д.13. л.70

² Там же. Д.2. лл.90-91

³ Там же. Д.13. лл.22-23

⁴ Там же. Д.2. л.32

⁵ Там же. Д.33. л.62

⁶ Там же. Л.67

⁷ Там же

⁸ Там же. Д.58. л.73

⁹ Там же. Д.33. л.67

¹⁰ Там же. Д.71. л.16

¹¹ Там же. Д.33. л.111

¹² Там же. Л.158

¹³ Там же. Д.157

¹⁴ Там же. Л.68

¹⁵ Там же. Л.113

¹⁶ Там же. Д.40-а. л.88

¹⁷ Там же. Д.33. л.69

¹⁸ Там же. Д.68. л.20

¹⁹ Там же. Д.33. л.158

²⁰ Там же. Д.38. л.49

²¹ Там же. Д.70. л.40

²² Там же. Д.33. л.111

²³ Там же. Л.171

²⁴ Там же. Д.38. лл.57-58

²⁵ Там же. Лл.58-59

²⁶ Там же. Л.58